ПАРТНЕР ВЫПУСКА ГАЗПРОМБАНК БАНК ГПБ (АО)

ВЕРНИСАЖ

В лабиринте свободы

ИГОРЬ ИВАНКО

Первые посетители в залах выставки «Мечты о свободе. Романтизм в России и Германии»

>> стр. 1

Живопись — тоже все понятно. С подачи Василия Жуковского великий саксонец Каспар Давид Фридрих в старости получал денежное вспомоществование от российского самодержца, а картины его прописались в Эрмитаже; питомцы Императорской академии художеств, отправлявшиеся на стажировку в Италию, в обязательном порядке делали длительную остановку в Дрездене; там же, в саксонской столице, хранилась и хранится «Сикстинская Мадонна» — одна из главных художественных святынь прошлого для людей романтической эпохи. Так что не приходится удивляться тому, что с немецкой стороны партнером Третьяковской галереи выступают именно Государственные художественные собрания Дрездена, великий музейный конгломерат, где есть и «Зеленые своды», и Галерея старых мастеров, и много чего еще, включая «Альбертинум» — там выставку развернут после того, как она закроется в Москве.

Только как это все показать — тоску души по Абсолюту и новое чувство истории, национализм и одиночество, бури и интроспекцию, упоение возвышенными красотами и размышления «про древний хаос, про родимый»? Ясно, что спокойной анфиладой с методично-хронологическим изложением событий здесь не обойдешься, хотя исторический контекст на выставке все-таки будет (в виде и архивных документов, и драгоценных артефактов) — как иначе, если это еще и то время, когда на глазах менялась, по Мандельштаму, «таинственная карта» Европы. Пространство выставки

> Романтизм — это еще и порыв к свободе, не только творческой, но и гражданской

спроектировал знаменитый архитектор-деконструктивист Даниэль Либескинд (и это первый в нашей практике случай, когда такая задача поручается международной архитектурной знаменитости подобного калибра).

Придуманная им структура стендов — две огромные ломаные линии, которые спиралями сходятся к центру, образуя подобие лабиринта: метафора и земного странствия, и творческих поисков романтизма, и усложненности человеческого сознания этого времени. Впрочем, это будет лабиринт, допускающий множество маршрутов и множество точек выхода (как и входа).

Главными героями выбраны четыре живописца. Увидеть среди них Каспара Давида Фридриха неудивительно, с русской стороны ему будет отвечать автор «Явления Христа народу» Александр Иванов. А вот другие двое на первый взгляд смотрятся неожиданно: малоизвестный у нас Карл Густав Карус и Алексей Венецианов, которого мы както не привыкли воспринимать как эталонное порождение стихии романтизма — но тут нам его покажут именно так.

Вокруг этой четверки роится великое множество имен, которого требует размах выставки. В первую очередь, конечно, художники, тщательно отобранные по музейным собраниям двух стран, но не только — еще и мыслители, поэты, писатели, исторические деятели. Тематические разделы задуманы так, чтобы основные подсюжеты были показаны по возможности комплексно, будь то национальное чувство, новое прочтение религиозного искусства, созерцание природы, любовь к «общей родине» романтиков — Италии, открытие детства как полноценной эпохи человеческой жизни, возвышенное одиночество, культ литературы и литератора. При этом в каждом разделе — еще и отвечающее все тем же темам произведение какого-нибудь большого современного художника: романтизм, настаивает выставка, не скучный музейный факт, а константа, образ понимания и творчества, и творца, который как появился в Европе 1800-х, так и остается актуальным.

Перемещаться между этими блоками можно в том порядке, какой зрителю заблагорассудится: он волен выбирать в этом универсуме те смыслы и те образы, которые ему ближе всего. В конце концов, воля — тоже немаловажное понятие для выставки, озаглавленной «Мечты о свободе». Романтизм — это не только искусство, но и историософия, идеология, общественная мысль, из него, например, вылупились и наши славянофилы, и наши западники. Но еще это порыв к свободе — не только творческой, но и гражданской, о чем напоминает экспозиция, где в подробно обрисованную «поэзию» вплетается «правда» многочисленных революций 1821–1848 годов и восстания на Сенатской площади.

АНАЛОГИИ

Уроки немецкого

В своей новой книге «Наивные годы» главный редактор «Петербургского диалога» с российской стороны **Виктор Лошак** вспоминает судьбу предшественника нашего издания российско-немецкого еженедельника Moskau News, дочернего издания популярных «Московских новостей».

Социологической службе «Московских новостей», возможно, принадлежало одно интересное открытие: спустя 40 с небольшим лет после войны русские не просто простили немцев, но и относятся к ним с симпатией куда большей, чем к некоторым народам, с которыми никогда не воевали. В июне 1989-го, накануне официального визита Горбачева в ФРГ, руководитель наших социологов Игорь Минтусов опубликовал данные опроса, из которых следовало, что именно перестройка улучшила советско-западногерманские отношения (так считали 78% опрошенных), а вот угрозу со стороны бывшего противника по Великой Отечественной чувствовали лишь 3% респондентов, в то время как от союзника, Соединенных Штатов,— 19%. Трудолюбивыми, организованными и расчетливыми считали немцев от 50% до 86% опрошенных, агрессивными — 17%. Поехать на несколько лет работать в ФРГ по специальности согласны были 69%. Более половины — 53% — не имели бы ничего против, если бы их сын, дочь или другой близкий родственник создали семью с западным немцем или немкой.

Книга Виктора Лошака «Наивные годы. Егор Яковлев и его газета» вышла в начале 2021 года

С падением стены казалось, что не только люди вырвались из одной части Германии в другую, но и правда о том, как жила разделенная нация, впервые пришла к советским читателям. В Советском Союзе ведь не представляли и самого простого, например того, как выглядит эта пресловутая стена. «С восточной стороны к стене было не подойти,— писал наш корреспондент в Германии Юрий Шпаков.— Ряды колючей проволоки, ежи, вышки, собаки, самонаводящиеся и самостреляющие устройства. С западной тоже вышки, но не для стражей границы, а для туристов со всего света. С западной — стена разрисована всеми цветами радуги. Надписи и рисунки далеки от политики…» Приводилась удивительная цифра: с 1949 года, за время существования ГДР, из нее в ФРГ сбежало около 10% населения.

Профессор Йенс Райх, лидер новой и самой массовой общественной организации ГДР «Новый форум», рассказывал нам: «Мы буквально с замиранием сердца следили за перестройкой в Советском Союзе. Правду о перестройке у нас пытались всячески исказить или замолчать. Запрещено было советское издание „Спутник“, в черный список попали лучшие советские фильмы последних лет». К этому списку нужно добавить и «Московские новости». У нашего переводчика на пути из Кельна в Западный Берлин гэдээровские пограничники изъяли свежий номер МН на немецком, а когда вернули на обратном пути, газета была здорово зачитана…

По двум причинам мы в «Московских новостях» очень лично воспринимали происходящее в Германии. Главная: все происходит в продолжение перестройки, а мы при этом становимся ближе к западной демократии. И это тот порыв, который в конечном счете должен нас с ней соединить. Мы были абсолютно, до наивности открыты! Вот, например, принадлежащий обозревателю газеты Виталию Третьякову абзац из, возможно, первой в отечественных СМИ попытки написать политический портрет Горбачева: «Должны мы поблагодарить и Запад, чутко и терпеливо ожидавший реформ на Востоке, доброжелательно откликнувшийся на первые попытки гласности, заметивший как бы вскользь брошенные слова об общечеловеческих ценностях, разъяснивший нам устами своих лучших людей те достоинства политики Горбачева, которых мы или не видели, или боялись увидеть».

> Угрозу со стороны бывшего противника по Великой Отечественной ощущали лишь 3% опрошенных

Вторым обстоятельством нашего интереса было то, что мы, по сути, в немецких событиях самым непосредственным образом участвовали: к моменту сноса стены в Кельне уже выходили немецкоязычные «Московские новости» — Moskau News (для пущей увлекательности, по мнению немецких партнеров, одно слово газетной шапки было на немецком, другое — на английском). На волне интереса к перестройке мы выпускали свою газету в Париже, Лондоне, Афинах, Таллине… Но немецкая была лучшая — возможно, в силу профессионализма редактора Андрея Гуркова (ныне обозреватель радиостанции Deutsche Welle) и команды немецких партнеров. Может быть, поэтому просуществовала она дольше других — до 1993 года.

Правильно будет сказать, что это издание в немалой степени было плодом человеческого обаяния нашего главного редактора. Идею издания в Германии горячо поддерживала немецкая писательница и автор МН Лоис Фишер-Руге. В один из выходных она пригласила на вечеринку в свою московскую квартиру главного редактора «Московских новостей» Егора Яковлева, который взял с собой помогавшего ему с переводом Андрея Гуркова. Гостем Лоис в тот вечер был и приехавший из Кельна владелец и издатель газеты Kolner Stadt-Anzeiger Альфред Невен-Дюмонд. Шутя, он рассказывал, будто его прадед купил эту газету после того, как она была закрыта из-за деятельности в ней Карла Маркса.

Егор в присущей ему манере так обаял немецкого издателя, с которым к концу вечера они уже тянули виски, сидя на полу, что Невен-Дюмонд, уходя, заявил: «Не знаю, верить мне этому русскому или нет, но денег на газету я ему дам».

На волне почитания Горбачева и интереса к перестройке немецкому издателю удалось сколотить пул партнеров МН из двух кельнских и одной боннской газеты, а также издательства «Грюнер унд Яр» из Гамбурга, занимавшегося главным образом поиском рекламы для издания. Андрей Гурков вспоминал, что поначалу немцы не очень понимали, с кем и в какой проект шли, к тому же все были немножко напуганы творящимся в России. Например, перед тем, как впервые приехать в Москву, главный дизайнер нового издания оставил семье завещание…

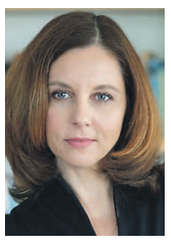
Первый номер Moskau News осенью 1988 года вышел с успехом, которого мы не ожидали. Тираж дважды допечатывался. Номер, конечно, держался на двух главных публикациях: большом и неожиданно подробном для немцев репортаже из Кенигсберга — Калининграда, авторами которого были Андрей Гурков и Алексей Федоров, и, главное, интервью только что освобожденного с поста первого секретаря Московского горкома партии Бориса Ельцина.

Признаться, не все наши зарубежные издания были так же успешны, как немецкое. В лондонском проекте мы попались на удочку известного международного проходимца Роберта Максвелла. Только позже стало понятно, что каждый проект в СССР он затевал с единственной целью — приблизиться к главному человеку в стране. Для этого, например, он дважды издавал в Лондоне труды Брежнева. В какой-то момент ему, видимо, показалось, что общий проект с МН — это кратчайший путь к Горбачеву. Однако поняв, что журнал близкого Раисе Максимовне Фонда культуры — путь и более скорый, и более дешевый, Максвелл наш проект бросил. И, в общем, своего добился: за год он встретился с генсеком трижды!

ЛИТЕРАТУРА

«Страсть к языку»

Антология современной русской поэзии переведена на немецкий. С автором перевода **Александром Ницбергом** беседует корреспондент «Д» **Дарья Палиевская**.



Дарья Болль-Палиевская

Толстой, Достоевский, Чехов. Пожалуй, этими именами и заканчивается знакомство массового европейского читателя с русской литературой. Что уж говорить о современной поэзии. Известный переводчик и лауреат множества переводческих премий (в том числе за перевод «Мастера и Маргариты» на немецкий язык) Александр Ницберг в своей антологии «Revolution der Sterne» («Революция звезд») объединил 30 поэтических «голосов» из Москвы и Санкт-Петербурга. Среди них такие классики, как Евгений Рейн, Олег Чухонцев и Сергей Стратановский, новаторы, как Константин Кедров, Елена Кацюба и Андрей Сен-Сеньков. Многие имена впервые представлены немецкоязычному любителю поэзии. Антология двуязычная, так что читатель может ознакомиться и с оригиналом.

— Александр, кому в современном мире вообще нужна поэзия?

— Поэзия всегда была «книгой для всех и ни для кого». Нам только кажется, что когда-то в прошлом она играла бОльшую роль, чем сегодня. Но тогда просто была другая система образования. Знание стихов

КСЕНИЯ НИЦБЕРГ

Александр Ницберг всю жизнь переводит поэзию «для всех и ни для кого»

могло быть чем-то совершенно поверхностным, светской модой, без малейшего внутреннего понимания. Настоящая поэзия — это монолог, то есть довольно жестокий разговор с самим собой. На это не каждый пойдет. Но, как говорил немецкий поэт Готфрид Бенн, именно на таких одиночных встречах с самим собой, в конце концов, и держится все человечество.

— А как вы подбирали поэтов для своей антологии?

— В книге собраны 30 имен. В основном из Москвы и Петербурга. Среди них есть маститые и молодые, традиционные и авангардные, известные и «на любителя». Но их всех объединяет, на мой взгляд, мастерство. Конечно, 30 человек не в состоянии представить современную русскую поэзию в полном объеме, но, я думаю, это проблема любой антологии и любой подборки. Поэзию всегда представляют индивиды, которые порой, но отнюдь не всегда, вступают друг с другом в контакт. Важно понять, что их общение между собой происходит скорее на другом — духовном — уровне. И не только между собой, но и с их предшественниками, классиками русской и мировой культуры. Как сказано у Ахматовой: «Я на твоем пишу черновике, и вот чужое слово проступает...» Но мне кажется, что, когда подведут итоги, многих из моей подборки назовут классиками нашего времени.

— И все-таки можно ли эту тридцатку как-то распределить по группам и вместе с тем дать им какую-то общую характеристику?

— Мне кажется, что на сегодняшний день поэтов уже не так тянет в группы, школы и направления. Они уже не подписывают манифестов. Но тем не менее всегда можно найти нечто объединяющее. Есть, например, поэты, как Сергей Гандлевский или Михаил Айзенберг, любящие эмоциональный холодок и внешний покой, за которым, однако, открывается бездна. Есть такие, как Ирина Ермакова или Инга Кузнецова, у которых, наоборот, все бурлит и клокочет и один образ сменяет другой. Есть любящие жесткую конструкцию, как Наталия Азарова или Анна Золотарева. Или такие, где авангардный жест переходит из литературы непосредственно в жизнь, как у Германа Лукомникова и Бориса Ванталова. Но помимо этого есть одна черта, характерная для русской поэзии вообще: она вся строится на традициях.

— А немецкая?

— Современная немецкая поэзия строится на совершенно других принципах. Все традиции, как правило, заранее отбрасываются, объявляются «конвенционными», то есть шаблонными, и если используются, то исключительно в целях пародии. Все можно, всегда и везде. Мне же кажется, что свобода особенно остро ощущается там, где существуют какие-то строгие границы. Чем больше преград, тем больше напряжения.

— То есть вы хотите сказать, что в современной русской поэзии нет никакого восстания против традиций?

— Разумеется, есть! Но восстание против традиций как раз и подразумевает знание этих традиций. Почти все содержащиеся в антологии стихи движутся в этом поле напряжения между традицией и авангардом, которое было так типично для русской поэзии со времен модернизма.

— В немецкоязычном мире еще читают рифмованные стихи?

— Конечно, читают. Но тем не менее средний переводчик русской поэзии старается переводить ее вялым верлибром, тем самым приближая ее к привычным немецким «текстам». Я с этим в корне не согласен: литературу другой страны надо представлять со всеми ее особенностями. И людям все время приходится напоминать, что в искусстве нет и не может быть запретов на какие бы то ни было средства выражения. Вопрос только в том, насколько художник ими владеет.